

досконалості, яких не може їй дати одне лише природне буття. Справа тут в тому, що пізнавши свою свободу, людина вже не може не прагнути до покликів надприродних. Саме в цьому – умова її нескінченного розвитку.

Реалізацією духовного початку виступає і прагнення до творчості, що невіддільне від історії людської культури. М. Бердяєв в своїй праці «Сенс творчості» вважає творчість головною виокремлюючою рисою людини, яка дозволяє їй прориватись через цей світ до світу іншого. «Пізнавати щось в світі – означає мати це в собі. Пізнання є творчим актом, і не можна чекати пізнання творчої активності від пізнання як пасивного пристосування» [2, с. 140].

В процесі творчості людина стає частиною світового духовного буття, і саме тут виявляється її сутність. В творчості наче відкривається завіса потаємного, незвіданого, того, до чого ми прагнемо, але не можемо пізнати повною мірою. Саме тому творчий процес відкритий нескінченному вдосконаленню. Саме тому, кожен майстер, закінчивши свою працю, відчуває невдоволення, яке спонукає його до нових творчих пошуків.

Насамкінець, вся наша творчість є радість, що переплітена із тугою про досконалість і ідеал. Ми відчуваємо в собі безмежні можливості, здійснити які повною мірою ми не здатні. Але можливо, ми ще просто не навчилися використовувати увесь наш духовний потенціал, і слухати власне серце.

П. Юркевич постійно наголошував на парадоксальності людської істоти, яка поєднала в собі тіло, яке постійно потребує задоволення матеріальних потреб, та душу, яка потребує задоволення духовних потреб. Але «людськість» людини полягає саме в її духовному багатстві, і це зовсім не означає, що людина повинна відмовитись взагалі від своєї тілесності, бо це є безглуздом до неможливості. Просто людина не повинна стати рабою свого тіла, а отже, втратити свою духовність.

Список літератури

1. Бердяев Н.А. Вера и знание // Бердяев Н.А. Философия свободы. – Харьков: Фолио; М.: 2002.
2. Бердяев Н.А. Творчество и свобода. Индивидуализм и универсализм // Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. – Харьков: Фолио; М.: 2002.
3. История религии: В поисках Пути, Истины и Жизни. По книгам протоиерея Александра Меня. – М.: Мирос, 1994.

УДК 21

ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКИЙ И ПАПОС: МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ*

Р.С. Минеев
Симферополь, Украина

Ежегодно в Москве доход оккультной индустрии составляет ок. 8 млн. долл. 75% парижан хотя бы один раз в жизни обращались к услугам экстрасенсов и гадателей. В то же время преобладающей религией и в России и во Франции является христианство.

Так ли много различного в мировоззрении и в чем главное различие в видении бытия и человека у этих двух, традиционно противопоставляемых и, казалось бы, вечно противоборствующих ветвей. Пытаясь хотя бы отчасти ответить на эти вопросы и бросить хотя бы малый луч света на окутавшую их тьму, мы провели сравнительный анализ онтологической и антропологической концепций двух ярчайших теоретиков языческой пантеистичной магии и христианства: Жерара Энкосса (Папюса) и архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого).

Главной причиной этого изыскания стали, как сходность творческих путей обоих мыслителей (оба они, будучи воспитанными в духе сциентизма и позитивизма второй половины 19 в. – первой половины 20 в., занимались хирургией и оба «под скольжением» заметили движение неких энергий, существующих параллельно с материей, что привело одного – к углублению в средневековые оккультные фолианты, другого – к архиепископскому престолу), так и похожесть их трудов: «Духа, души и тела» Войно-Ясенецкого и «Практической Магии», «Магии и оккультизма» Папюса.

В этих трудах авторы (к слову – оба профессора медицины) в равной мере обращаются к дискурсу западноевропейской философии; используют одну фактологическую базу, но главное – воссоздают целую систему мироздания и определяют в ней место человека.

В отношении самих трактатов было обнаружено следующее:

– по типу построения доказательств и стилю их труды – неопозитивистские; оба автора выводят философские постулаты из эмпирической доказательной базы;

– оба автора используют данные множества прежних философий, но если говорить о тенденциях, то Папюс тяготеет к Платону. Лука же склонен к шеллингианству, хотя сам больше всего ссылается на Бергсона и Паскаля.

Теперь, что касается философии.

Во-первых, трактат Луки – именно философский, хотя и включает в себе технологическую задачу: дело в том, что метод автора беспрецедентен для богословского дискурса – прежде всего, по неопозитивистскому методу доказательств. Опираясь на факты физики, медицины, психологии, Лука создает некий онтологический конструкт, разрабатывая учение о Божественной энергии – в отношении к эмпирической действительности. Такого учения об энергии не было не у Игнатия Брянчанинова, не у исихастов – хотя Лука и не противоречит. Кроме того, сам характер работы – описательный – не свойственен патристической традиции, исключая Аквината, но и тот гораздо более метафизичен. Подобные же труды Василия Великого и Антония Великого носят апологитический характер и совершенно отличны от «Духа...» по цели и методу.

Далее выделим общие и отличные места у авторов (Луки и Папюса):

1. Концепция Энергии – главного и единственного субстрата мироздания – Лука именует Духом, Папюс – астральным планом. Но в основание этой субстанции, как ее жизненную формулу, Лука полагает Божественную любовь, Папюс – жизненную силу (безликое динамическое начало).

2. Оба мыслителя признают нематериальность человеческого сознания, и отделимость от физического тела его носителя: у Луки – человеческого духа (индивидуализированной формы мирового Духа, отпечатывающей на себе продукты психической деятельности), у Папюса – астрального тела (с теми же функциями, что и у «духа» Луки).

3. Оба автора признают телепатию, психометрию, телекинез, – вообще способность астрального тела выходить из плоти и аффицировать материю.

Но на этом сходство кончается: уже в вопросе манипуляций духа с материей Лука почти не уделяет внимания воле, Папюс же ставит ее во главу угла.

Во-первых, главное различие – в вопросе о мировых началах. У Папюса в его пантеистической, Спинозианской онтологии, мировая энергия – индифферентное начало, которое, однако, конденсируется главными астральными субъектами – существами светил, по сути – языческими божествами. Таким образом, Папюс соединяет, синтезирует пантеизм и политеизм. Боги, скользящие по космическим сферам (общая черта с Платоном), содержат в себе самые разные моральные качества, и подобно идеям Платона – формы всех вещей (что и послужило причиной для составления Папюсом сигнатурных таблиц). Каждое божество влияет на идентичные ему эмпирические формы, что, по мнению Папюса, легло в основание астрологии и магических операций. Допустим Марс – бог мести – способствует мести и т.п.

Но при переводе в антропологический дискурс эта система, лишенная поляризации «Бог–Дьявол» ведет к плюрализации мировоззрения, в частности, категорий нравственного.

У Луки, при сохранении традиционной христианской системы, Бог формирует положительный Дух и им воздвигает прекрасные формы; Дьявол, своим злым духом созидает ужасное. В антропологическом аспекте это ведет к поляризации морали.

Во-вторых, различие в Противопоставлении Любви и Воли.

У Папюса любовь играет как бы центральную роль, но о ней он говорит (как о мировой симпатии – частиц, душ и т.п.) меньше, чем о воле. Ведь и вся суть «Практической магии» – в выработке умения влиять волей на материю, управлять миром. Поэтому магия антропоцентрична. Любовь – есть проявление Воли.

У Луки наоборот – воля – суть форма Любви – мирового закона. Он не убеждает читателя в утверждении могущества человека через волю, ее развитие. Традиционный теоцентризм не теряет у него позиций.

Нам остается повторить древних поэтов: поистине, велики боги! Но кто их рассудит?